

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕРТВ И ИНИЦИАТОРОВ, ВКЛЮЧЁННЫХ В БУЛЛИНГ-СТРУКТУРУ

Лучинкина И. С., Фазилова А. Э.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015,

Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Российская Федерация;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2024

После доработки 16.04.2024

Принята к публикации 17.04.2024

Аннотация

Цель. Проанализировать особенности личности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру.

Процедура и методы. С помощью методов и методик были исследованы следующие показатели: для выявления наличия и выраженности когнитивных искажений был использован опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения»; использована методика В. Бойко для диагностики типа коммуникативной установки; «Опросник суицидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой предназначен для диагностики суицидального риска.

Результаты позволяют выделить три подгруппы подростков с учётом их ролевой позиции в буллинг структуре: 1) группа инициаторов, которой присущи когнитивные искажения по типу дихотомического мышления и навешивания ярлыков. По параметрам особенностей коммуникации со сверстниками и коммуникативных установок выявлены – открытая жестокость и обоснованный негативизм. По параметрам суицидальных намерений выявлены – демонстративность, слом культурных барьеров, максимализм, высокий антисуицидальный фактор; 2) помощники, которым присущи когнитивные искажения по типу катастрофизации. По параметрам коммуникативных установок у респондентов этой группы выявлена открытая жестокость. Свойственны максимализм и высокий антисуицидальный фактор; 3) жертвы, которым присущи такие когнитивные искажения, как дихотомическое мышление и эмоциональное обоснование. По параметрам особенностей коммуникации были обнаружены установки по типу открытой жестокости, обоснованного негативизма и негативного личного опыта. Присущи демонстративность, аффективность, уникальность, слом культурных барьеров и высокий антисуицидальный фактор.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии проблемы профилактики буллинга в социальных группах, которая по-прежнему остаётся актуальной, но ещё недостаточно изученной. Существующие подходы обычно учитывают особенности развития группы, где происходят случаи буллинга. Однако индивидуальные особенности личности, находящейся в ситуации буллинга, часто не учитываются вообще или учитываются недостаточно. Изучение индивидуальных особенностей личности может помочь в разработке более эффективных методов профилактики буллинга.

© СС ВУ Лучинкина И. С., Фазилова А. Э., 2024.

Ключевые слова: ролевая позиция, буллинг, буллинг-структура, когнитивные искажения, суицидальные риски, коммуникативные установки, жертвы буллинга, инициатор, стресс, адаптация

Для цитирования: Лучинкина И. С., Фазилова А. Е. Психологические особенности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 21–35.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

Original Research Article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VICTIMS AND INITIATORS INCLUDED IN THE BULLING-STRUCTURE

I. Luchinkina, A. Fazilova

*Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov
per. Uchebnyy 8, Simpheropol, 295015, Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mail: alie.fazilova@mail.ru*

Received by the editorial office 31.01.2024

Revised by the author 16.04.2024

Accepted for publication 17.04.2024

Abstract

Aim. To analyze the personality characteristics of the victims and initiators included in the bullying structure.

Methodology. With the help of methods and techniques, the following indicators were investigated: to identify the presence and severity of cognitive distortions, the questionnaire of I.S. Luchinkina "Cognitive distortions during Internet communication" was used; the method of V. Boyko was used to diagnose the type of communicative attitude; the "Suicide risk questionnaire" modified by T.N. Razuvaeva designed to diagnose suicide risk.

Results. The results allow us to distinguish three subgroups of adolescents, taking into account their role position in the bullying structure:

1. The group of initiators characterized by cognitive distortions by the type of dichotomous thinking and labeling. According to the parameters of the features of communication with peers and communicative attitudes, open cruelty and justified negativism were revealed. According to the parameters of suicidal intentions, demonstrativeness, the breakdown of cultural barriers, maximalism, and a high anti-suicidal factor were identified.
2. Assistants who are characterized by cognitive distortions of the type of catastrophization. According to the parameters of communicative attitudes, the respondents of this group revealed open cruelty. Maximalism and a high anti-suicidal factor are their characteristic features.
3. Victims who are characterized by cognitive distortions such as dichotomous thinking and emotional reasoning. According to the parameters of communication features, attitudes were found according to the type of open cruelty, justified negativism and negative personal experience. Demonstrativeness, affectivity, uniqueness, the breakdown of cultural barriers and a high anti-suicidal factor are inherent for them.

Research implications. The theoretical and practical significance consists in revealing the problem of bullying prevention in social groups is still relevant, but has not yet been sufficiently studied. Existing approaches usually take into account the peculiarities of the development of the group where bullying cases occur. However, the individual characteristics of a person in a bullying situation are often not taken into account at all or are not taken into account enough. The study of individual personality traits can help in the development of more effective methods of bullying prevention.

Keywords: role position, bullying, bullying structure, cognitive distortions, suicidal risks, communicative attitudes, victims of bullying, initiator, stress, adaptation

For citation: Luchinkina I. S., Fazilova A. E. Psychological features of victims and initiators included in the bullying structure. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 21–35.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

Введение

Термин «буллинг» давно используется в социальной психологии как длительное физическое и психическое воздействие группы или определённого человека в отношении к жертве, которая не имеет возможности защитить себя. Благодаря исследованиям Д. Олвеуса, Е. Роланда и ряда других учёных проблема приобретает научную значимость [1]. Буллинг может быть повторяющимся, непрерывным и преднамеренным, даже без прямого столкновения с жертвой, например, на каникулах или в отпуске. Из этого и вытекает и следующая форма буллинга – кибербуллинг, который имеет высокую вероятность того, что признание и вмешательство учителей или родителей будет отсрочено.

Как правило, буллинг-структура имеет тенденцию образовываться случайно, а смена позиций позволяет этому явлению быть одним из самых деструктивных способов взаимодействия. Участники буллинг-структуры испытывают сильные эмоции, а их поведение и реакции считаются довольно иррациональными [2]. Инициатор начинает внушать страх, создаёт враждебную обстановку для жертвы, на-

рушает образовательный процесс или упорядоченную работу школы. Так, помощники инициатора напрямую подключаются к процессу буллинга и имеют не меньшее влияние, чем сам зачинщик. Часто они хотят продемонстрировать свою силу другим и активно помогают людям более сильным, чем они сами.

С другой стороны, подростковый возраст – это активный период, наполненный беспокойством, конфликтами и проблемами, и это этап, на котором подросток сталкивается с различными трудностями адаптации. Этот возрастной период не только наиболее изменчив, чем любая другая стадия развития, но и имеет множество особенностей протекания [3, с. 32]. Кроме того, подростки находятся в моменте, когда у них бывают высокие подъёмы и спады эмоционального состояния. Они склонны судить об объектах и явлениях с уклоном в сторону эмоциональной составляющей, а не рациональной, склонны к стрессу и фрустрации.

Так, подростки могут испытывать различные источники стресса, включая школу, семью, друзей и окружение. В частности, можно сказать, что

издевательства со стороны сверстников, т. е. деструктивные взаимоотношения, являются важной переменной, связанной со стрессом в подростковом возрасте. Также можем отметить, что подростки, подвергшиеся травле со стороны сверстников, испытывают больший стресс, чем обычные подростки, и проявляют высокий уровень показателей по аффективной составляющей, в том числе и высокий суицидальный риск [4].

Подростки, страдающие от буллинга со стороны сверстников, более подвержены стрессу из-за психологического воздействия. Так, пока остальные участники буллинг-структуры могут адаптироваться к новым условиям, группа инициаторов и жертв испытывает трудности. Если жертва и агрессор попадают в новый коллектив, есть большая вероятность, что прежняя модель поведения может выступать как стиль поведения в будущем, что, в свою очередь, может привести к негативным последствиям.

Ким Гиль-Им и Сим Хи-Ок также отмечают, что существует связь между стрессом и деструктивными отношениями со сверстниками. Авторы утверждают, что дети, которые находятся в стрессовом состоянии из-за родителей, школьных занятий, учителей и друзей, больше других подвергнуты риску стать жертвой буллинга. Кроме того, другой автор – Пак Джи Ён – пишет, что стресс, связанный с психологическим климатом в семье, межличностными отношениями и школьной жизнью, тесно связан с травлей сверстников.

С другой стороны, отношения со сверстниками в этот период складываются в основном в образовательной

среде, поэтому видно, что они имеют тесную связь со школьной жизнью подростков. Согласно Д. Ольвеус, дети, которые страдают от буллинга со стороны сверстников, испытывают трудности в социальной и эмоциональной адаптации [5]. Они боятся ходить в школу из-за того, что постоянно подвергаются издевательствам со стороны сверстников и им трудно участвовать в повседневном общении с другими подростками в школе. В результате их удовлетворённость школьной жизнью резко падает и приводит к тому, что ребёнок не хочет посещать школу и испытывает неприспособленность к общественной жизни. Так, позиция жертвы в буллинг-структуре имеет одно из сложнейших последствий. Поскольку жертвы могут быть не только пассивными, но и агрессивными. Зачастую жертвы сами становятся агрессорами и, в свою очередь, осознанно и организовано издеваются над сверстниками [6, с. 25]. Чтобы разобраться в психологии жертвы, стоит проанализировать особенности личности, включённой в буллинг-структуру.

Жертвы легко реагируют на поведение инициатора и его помощников. Они быстро подключаются к буллингу, поскольку большая часть общения между детьми осуществляется невербально. Так, агрессор может определить по позе, тону голоса и общему языку тела, что объекту не хватает уверенности. Примером могут служить исследования, которые проводились с девиантными подростками. Результаты показали, что они выбирают свои цели таким же образом, как выбирают лёгкую добычу, читая язык тела [7].

Поскольку жертвы пассивны, тихи и застенчивы, то они не могут постоять

за себя и им не хватает самоуверенности. Это тоже становится причиной, из-за которой агрессор и другие участники буллинга понимают, что сопротивления не будет. Именно поэтому буллинг отличается значительной системностью и длительностью воздействия на жертву.

Жертвы травли могут быть социально замкнутыми и не иметь поддерживающей группы друзей. Однако буллинг-структура имеет тенденцию смены позиций. Так, при условии, что защитников жертвы станет больше, чем зачинщиков, процесс может приостановиться.

Добавим, что жертвы склонны во многом винить себя в любых проблемах, которые у них возникают с другими. Инициатор очень быстро понимает это и в итоге может использовать манипуляцию, осознавая, что после акта издевательства жертва будет винить себя и это убережёт зачинщиков от неприятностей.

В частности, дети, ставшие жертвами буллинга, проявляют большую агрессию, чем жертвы других форм издевательства [8, с. 14–16]. Исследователи обнаружили, что дети, которые были исключительно жертвами агрессоров, демонстрировали высокий уровень проблем с интернализацией [9]. Такие выводы во многом подтверждают взаимосвязь адаптации и позиции буллинга в среде сверстников.

Стоит ещё упомянуть о другой форме буллинга – кибербуллинге. Традиционный буллинг и кибербуллинг имеют сходства и различия. Подобно традиционному буллингу, кибербуллинг имеет одну общую с ним черту: ребёнок или подросток, превосходящий его по физической силе или

социальному статусу (репутация, популярность, предпочтения), намеренно, постоянно и неоднократно запугивает сверстника, который слабее его.

С другой стороны, в отличие от традиционного буллинга, кибербуллинг – это акт причинения вреда другим с использованием информационных и коммуникационных устройств (компьютеров, мобильных телефонов и Интернета) в сети или в киберпространстве [10].

Кибербуллинг также включает в себя распространение слухов или создание неудобств людям путём загрузки нежелательных фотографий или текстов. Поскольку киберзапугивание не ограничивается физическим пространством школы, оно может происходить после школы, по выходным или во время каникул.

Насилие может быть повторяющимся, непрерывным и преднамеренным даже без прямого столкновения с жертвой, например, в отпуске. Из-за этих характеристик киберзапугивания существует высокая вероятность того, что признание и вмешательство учителей или родителей будет отсрочено. Кибербуллинг, особенно анонимный, снижает чувство вины или чувствительности инициатора. Поскольку травля происходит в киберпространстве, жертвам сложно активно реагировать или избегать издевательства.

Из всего написанного следует, что кибербуллинг происходит одновременно с буллингом. В качестве возмездия за издевательства, жертва может сменить позицию из потерпевшей в активного агрессора [11; 19; 20]. Следовательно, необходимо изучить опыт жертв кибербуллинга вместе с традиционным опытом травли в жизни.

Жертвы издевательств испытывают такие симптомы, как изменение восприятия себя и своих отношений с другими, такие как неприязнь к себе, чувство стыда, обвинение себя, неспособность восстановить доверие к другим и беспокойство по поводу их оценки. У них могут быть дисфункциональные представления о себе и других, отрицательные эмоции по отношению к себе, подозрительность к другим и искажённое восприятие других [12, с. 43]. Кроме того, жертвы буллинга формируют негативное представление о себе и могут избегать контакта, потому что они испытывали тревогу или страх при межличностном общении. Таким образом, ущерб от буллинга оказывает значительное влияние на личность и межличностные отношения.

Если рассматривать взаимосвязь между издеательствами и прогнозированием эмоций, то можно отметить ряд экспериментальных исследований, в рамках которых определялась эпизодическая память. Было выявлено, что эпизодическая память включает в себя способность совершать мысленные путешествия во времени (МТТ), осуществлять успешное мышление о будущем и создавать воспоминания о будущем [13, с. 32–35]. Люди используют эти эпизодические воспоминания при принятии решений, основанных на прошлом опыте, чтобы предсказать, как бы они себя чувствовали, если бы приняли решение о каком-то другом действии. Однако если припоминание дефектное, оптимальные решения могут быть не приняты. Исследователи также предполагают, что механизмы предвзятости при прогнозировании эмоций и предвзятости при воспро-

изведении эмоций схожи. Когда люди делают эмоциональные прогнозы о событиях, они сосредотачиваются на одном виде информации. Таким образом, фокализм может привести к неточному воспоминанию. Авторы также сообщают, что самый интенсивный и самый последний эмоциональный опыт искажает общее эмоциональное воспоминание, и что обладатели этих воспоминаний будут испытывать более сильные эмоции в ответ на интенсивные и субъективные события [14; 16; 18].

Учитывая, что групповая травля характеризуется повторяющимся и непрерывным воздействием негативного поведения, можно говорить о том, что личность испытывает негативные изменения в эмоциональных, поведенческих и когнитивных аспектах, и эти изменения часто происходят комплексно. Подростки, подвергшиеся издеательствам, склонны к тревоге, одиночеству и низкой самооценке, они демонстрируют множество негативных проблем, таких как проблемы со сном, депрессия и суицидальные мысли [15; 17; 20]. Они также испытывают негативные изменения в когнитивных аспектах с высоким уровнем комплекса неполноценности и самоуничтожения, а также с тенденцией думать, что они заслужили тот вред от других, который они получают. Появляется негативное восприятие, негативные мнения и критика самого себя, у людей наблюдаются низкая удовлетворённость и низкая самооценка в межличностных отношениях, недостаток уверенности в себе и недостаток социальных навыков.

Буллинг имеет структуру, типичную для конфликта, но имеет специфические особенности (длительный повто-

ряющийся характер буллинга, дисбаланс в силах преследователя и жертвы). Подростки, которые не соблюдают действующие в коллективе нормы и ценности, считаются неприспособленными аутсайдерами. В эту категорию обычно входят дети, которые не могут или не хотят адаптироваться к существующему образу жизни и обычаям. Лидеры и аутсайдеры являются незаменимыми членами одной цепи. Общение подростка со сверстниками чрезвычайно важно для его психического развития и социализации.

Для подростка характерно самоуничтожение или уход из окружающей среды. Этот путь обновляется, когда адаптационный путь преобразования среды не был реализован из-за невозможности принять окружающие ценности и неспособности изменить или покорить мир вокруг. Подросток может потерять чувство собственного достоинства или ценность своего окружения. Он не самосовершенствуется, так как для оптимального развития необходимо не выходить из ситуации, а стремиться разрешить её.

Важно отметить, что дисфункциональные личные отношения с друзьями очень трудно воспринимаются и переживаются подростками. Для многих детей в этом возрасте разрыв личных отношений с друзьями считается личной драмой. Чтобы завести друзей, обратить внимание собеседников, подросток старается сделать всё возможное; иногда из-за этого происходит прямое нарушение применимых социальных норм в открытом конфликте со взрослыми.

Итак, буллинг представляет собой физическое и психологическое насилие, которое отличается значитель-

ной системностью и длительностью воздействия на жертву. Это отличает буллинг от других форм деструктивного взаимодействия. Признавая значимость указанных исследований, отметим, что за рамками анализа учёных остались такие психологические особенности ролевой позиции жертвы буллинг-структуры, как когнитивные искажения, негативные коммуникативные установки и дисфункциональные психические состояния [8].

Эмпирическое исследование (подробное описание исследования)

Эмпирическое исследование проходило в два этапа. В основе исследования лежало предположение о том, что существуют различия между участниками буллинг-структуры (инициатор, помощники инициатора и жертва) по параметрам когнитивных искажений, коммуникативных установок, суицидального риска.

Для выявления ролевой позиции в буллинг-структуре были применены анкетирование и методики среди лиц подросткового возраста (16–17 лет). В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрасте 16–17 лет, среди которых были выявлены позиции жертв, инициаторов и помощников инициаторов.

На втором этапе с помощью методов и методик были исследованы следующие показатели: для выявления наличия и выраженности когнитивных искажений, был использован опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения»; использована методика В. Бойко для диагностики типа коммуникативной установки; «Опросник суи-

цидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой предназначен для диагностики суицидального риска.

В ходе исследования благодаря применению Н-критерия Краскела-Уоллиса (SPSS-26) проведён сравнительный анализ между тремя группами подростков с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре по параметрам когнитивных искажений, суицидальных рисков и коммуникативных установок.

Результаты исследования

На первом этапе эмпирического исследования с помощью анкетирования и методики «Буллинг-структура» Е. Г. Норкиной выделены ролевые позиции респондентов выборки. Таким образом, 26% респондентам присуща такая ролевая позиция в буллинг-структуре, как «инициатор»; 33% респондентов – «помощники инициатора»; 41,5% респондентов – «защитники жертв».

Для исследования наличия и выраженности когнитивных искажений использована методика И. С. Лучинкиной. В результате проведения сравнительного анализа между

участниками буллинг-структуры по показателям когнитивных искажений с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (табл. 1).

Результаты исследования когнитивных искажений показали, что группе инициаторов и группе жертв присуще когнитивное искажение по типу дихотомического мышления ($N_{\text{эмп}} = 35,614$, при $p \leq 0,005$). У личности возникает бинарное восприятие действительности из-за постоянной попытки упростить ситуацию, идёт концептуализация аспектов реальности. Тяжело оценивать происходящее без абсолютных категорий и крайних значений.

Обнаружено, что группе помощников инициаторов присуще когнитивное искажение по типу катастрофизации, также обнаружена тенденция по этому типу у группы жертв ($N_{\text{эмп}} = 13,690$, при $p \leq 0,005$). Это когнитивное искажение представляет собой переоценку вероятности негативного исхода как более вероятного. Такие личности не только составляют логические цепочки с крайне негативным концом, но и убеждают себя в том, что они просто не справятся с возникшей ситуацией.

Таблица 1 / Table 1

Достоверные отличия выраженности когнитивных искажений у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of cognitive distortions among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $N_{\text{эмп}}$	Уровень статистической значимости, α
Дихотомическое мышление	35,614	0,001
Катастрофизация	13,690	0,005
Эмоциональное обоснование	24,141	0,001
Навешивание ярлыков	33,824	0,001

Источник: составлено автором.

Так, выявлено, что группе жертв присуще когнитивное искажение по типу эмоционального обоснования. Также стоит отметить, что группе инициаторов присуща тенденция по указанному признаку. Существуют достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 24,141$, при $p \leq 0,005$. Эмоциональное обоснование подкрепляется объяснением собственных действий и оценки происходящего на основе эмоциональной составляющей. Для личности собственные эмоции становятся аргументом.

Также выявлены высокие показатели по шкале навешивания ярлыков у группы инициаторов. Тенденции по типу навешивания ярлыков выявлены среди группы помощников инициаторов ($H_{эмп} = 33,824$, при $p \leq 0,005$). Это искажение характеризует склонность создавать умозаключения по субъективной оценке. Личность присваивает себе или окружающим характеристики на основании первого впечатления.

Результаты исследования коммуникативной составляющей следующие. Для диагностики наличия и выраженности коммуникативной установки была использована мето-

дика В. В. Бойко. В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям коммуникативной составляющей с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (табл. 2).

Группы инициаторов, помощников и жертв демонстрируют высокие значения по шкале открытой жестокости ($H_{эмп} = 13,585$, при $p \leq 0,005$).

Так, у группы инициаторов и группы жертв отмечается выраженность по показателям обоснованного негативизма. Отмечены достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 14,036$, при $p \leq 0,005$. Обоснованный негативизм выражается в противопоставлении фактов, которые лишены объективных оснований.

Стоит отметить, что у группы жертв отмечаются высокие показатели коммуникативной установки по типу негативного личного опыта общения с окружающими. Группы помощников инициаторов и инициаторов показывают средние значения по указанной шкале ($H_{эмп} = 13,434$, при $p \leq 0,005$). Здесь коммуникативная установка вы-

Таблица 2/ Table 2

Достоверные отличия выраженности коммуникативных установок у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of communicative attitudes among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $H_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Открытая жестокость	13,585	0,005
Обоснованный негативизм	14,036	0,004
Негативный личный опыт	13,434	0,005

Источник: составлено автором.

стует в роли конденсатора, который удерживает напряжённость и негативные эмоции при межличностном и групповом общении.

Для диагностики наличия и выраженности суицидального риска был использован «Опросник суицидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой. Результаты исследования аффективной составляющей (табл. 3).

Группы инициаторов и помощников показывают средние значения по шкале демонстративности, в то время как группа жертв показывает низкие значения по указанной шкале. Так, выявлены достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 12,036$, при $p \leq 0,005$. Демонстративность выражается в намеренном и осознанном поведении, которое направлено на создание определённого впечатления. Стремление получить удовольствие от привлечения позитивного внимания к своей личности для поддержания завышенной самооценки.

Наиболее выраженные показатели по шкале уникальности были отмечены у группы жертв ($H_{эмп} = 25,533$,

при $p \leq 0,005$). У групп инициаторов и жертв были выделены средние показатели по указанной шкале. Отличительной чертой уникальности является убеждённость личности в том, что она обладает некими неповторимыми особенностями, не встречающимся в пределах горизонта сравнения.

По шкале «слом культурных барьеров» были обозначены высокие показатели у групп жертв и инициаторов. У группы помощников инициаторов были отмечены низкие показатели по указанной шкале ($H_{эмп} = 46,443$, при $p \leq 0,005$). Слом культурных барьеров характеризуется представлением личности о праве вершить судьбу, в точной убеждённости во враждебности мира, фиксировании внимания только на неудачах и негативных сторонах жизни.

В ходе исследования были выявлены высокие показатели максимализма у групп инициаторов и помощников инициаторов. В остальных группах наблюдаются средние или низкие показатели ($H_{эмп} = 46,443$, при $p \leq 0,005$). Личность, которой свойственен мак-

Таблица 3 /Table 3

Достоверные отличия выраженности суицидальных рисков у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of suicidal risks among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $H_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Демонстративность	12,036	0,002
Уникальность	23,423	0,001
Слом культурных барьеров	11,108	0,03
Максимализм	46,443	0,001
Антисуицидальный фактор	31,232	0,001

Источник: составлено автором.

символизм, выражает свою позицию в крайних вариантах с чрезмерными завышенными претензиями и требованиями к себе и окружающим.

Так, группы инициаторов и помощников показали высокие значения по шкале антисуицидального фактора. Группы жертв показывают средние значения по указанным шкалам ($H_{\text{эмп}} = 31,232$, при $p \leq 0,005$). Антисуицидальный фактор представляет собой комплекс личностных факторов и психологические особенности человека, которые препятствуют осуществлению суицидальных намерений.

Таким образом, анализ результатов подтвердил, что существуют различия между участниками буллинг-структуры по параметрам когнитивных искажений в ходе общения, коммуникативных установок и суицидальных рисков.

Выводы

Были выделены психологические особенности подростков, вовлечённых в буллинг. Так, выделены отличия по когнитивной составляющей, которая включает в себя когнитивные суждения, в том числе и ошибочные по отношению к общению со сверстниками. Когнитивные искажения представляют собой систематические паттерны отклонений в суждениях, происходящих в определённых ситуациях. Эмпирически выявлены различия: так, у инициаторов отличительной особенностью является бинарное восприятие действительности из-за постоянной попытки упростить ситуацию, у них идёт концептуализация аспектов реальности, тяжело оценивать происходящее без абсолютных ка-

тегорий и крайних значений. У помощников инициатора следует отметить преувеличение негативных событий, последствия кажутся неразрешимыми, отчего может формироваться «тоннельное мышление». У жертв буллинга всё может подкрепляться объяснением собственных действий и оценки происходящего на основе эмоциональной составляющей.

Также выделены отличия по коммуникативной составляющей, которая включает в себя наличие и выраженность коммуникативных установок. Коммуникативные установки представляют собой предрасположенность субъекта к восприятию будущих событий и к действиям в определённом направлении. Так, группе жертв может быть свойственно противопоставление фактов, которые лишены объективных оснований. Также у жертв отмечается тенденция к тому, что коммуникативная установка выступает в роли конденсатора, который удерживает напряжённость и негативные эмоции при межличностном и групповом общении.

Аффективная составляющая включает в себя суицидальные риски. Так, компоненты составляющей способствуют глубокому вовлечению в буллинг-структуру, что может привести к негативным последствиям. Мы отмечаем, что любые негативные психические состояния (агрессивность, ригидность, тревожность, фрустрированность) приводят к переносу потребностей в буллинг. Здесь важно отметить, что отличительной особенностью агрессивных подростков является одиночный, а не групповой характер деятельности. Были выделены различия: у группы инициаторов вы-

явлены демонстративность, что выражается в намеренном и осознанном поведении, которое направлено на создание определённого впечатления. Также инициаторам свойственна точная убеждённость во враждебности мира. Фиксирование внимания только на неудачах и негативных сторонах жизни. У помощников отмечается способность выражать свою позицию в крайних вариантах с чрезмерными завышенными претензиями и требованиями к себе и окружающим. У жертв отличительной чертой является уникальность – убеждённость личности в том, что она обладает некими неповторимыми особенностями, не встречающимся в пределах горизонта сравнения.

Исследования показывают, что позиция в буллинг-структуре зависит от нескольких психологических факто-

ров, таких как когнитивные, коммуникативные и аффективные составляющие. Понимание ролевой позиции подростков, вовлечённых в буллинг-структуру, может помочь в разработке эффективных методов профилактики и решения этой проблемы в дальнейших исследованиях. Например, может быть предложен когнитивно-поведенческий подход, который направлен на изменение искажённых убеждений личности и, следовательно, на изменение её моделей поведения и ролевых позиций. Данный подход помогает расшатывать и перестраивать убеждения, которые могут привести к буллингу, и заменять их на более позитивные и конструктивные мысли. Также важно отметить, что буллинг может иметь серьёзные последствия для жертвы, такие как психологические проблемы, снижение самооценки и даже самоубийство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтунова А. И. Особенности межличностного общения среди подростков // Молодой учёный. 2014. №1. С. 492–494.
2. Волкова И. В. Подростковый буллинг и стиль общения педагога // Научное мнение. 2018. №5. С. 56–63.
3. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского университета. 2019. №3 (20). С. 17.
4. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №105. С. 159–165.
5. Глазман О. Л. Буллинг // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №106. С. 111–132.
6. Горлова Я. В. Психологические признаки буллинга в межличностном взаимодействии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №2-2. С. 78–83.
7. Жеребова Н. С. Лидерство в малых группах // Руководство и лидерство. Опыт социально-психологического исследования. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1973. 145 с.
8. Кравцова М. М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой. М.: Генезис, 2005. 111 с.
9. Кравцова М. М. Дети-изгои. Психолог в школе. М.: Генезис, 2005. 100 с.
10. Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб.: Питер, 2001. С. 240–274.

11. Лучинкина И. С., Фазилова А. Э. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре // Мир науки. Педагогика и психология. 2021 №4. URL: <https://mir-nauki.com> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Академия, 2006. 186 с.
13. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. №2. С. 169–204.
14. Хломов К. Д., Бочарев А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №3. С. 177–191.
15. Чекина Л. Ф., Оболенская Ю. Н. Предикторы школьного буллинга // Управление образованием: теория и практика. 2021. №3 (43). С. 255–265.
16. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. Проблемы возрастной педагогической психологии / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 224 с.
17. Boatwright B., Mathis T., Smith-Rex S. Getting equipped to stop bullying: A kid's survival kit for understanding and coping with violence in schools. MN: Educational Media Corporation, 2000. 87 p.
18. Bullying behaviors among U.S. youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment / Nansel T. R., Overpeck M., Pilla R. S., Ruan J. W. // Journal of the American Medical Association. 2008. №6. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2435211> (дата обращения: 12.04.2023). DOI: 10.1177/070674370605100604.
19. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings // Child Development. 1977. №48 (4). P. 978–987.
20. Pellegrini A. D., Bartini M. A longitudinal study of bullying, victimization, and peer affiliation during the transition from primary to middle school // American Educational Research Journal. 2000. Vol. 37. №3. P. 699–725. DOI: 10.1348/026151002166442.

REFERENCES

1. Boltunova A. I. [Features of interpersonal communication among adolescents] In: *Molodoy uchyonyj* [Young scientist], 2014, no. 1, pp. 492–494.
2. Volkova I. V. [Teenage bullying and the teacher's interaction style]. In: *Nauchnoe mnenie* [The Scientific opinion], 2018, no. 5, pp. 56–63.
3. Volkova E. N., Volkova I. V. [Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bullying situation]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2019, no. 3 (20), p. 17.
4. Glazman O. L. [Psychological features of participants of bullying]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 105, pp. 159–165.
5. Glazman O. L. [Bullying]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 106, pp. 111–132.
6. Gorlova Ya. V. [Psychological signs of interpersonal bullying interaction]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International journal of humanities and natural sciences], 2024, no. 2-2, pp. 78–83.
7. Zherebova N. S. [Leadership in small groups]. In: *Rukovodstvo i liderstvo. Opyt social'no-psihologicheskogo issledovaniya* [Management and leadership. Experience of social and psychological research]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen, 1973. 145 p.

8. Kravtsova M. M. *Deti-izgoi. Psihologicheskaya rabota s problemoj* [Outcast children. Psychological work with the problem]. Moscow, Genezis Publ., 2005. 111 p.
9. Kravtsova M. M. *Deti-izgoi. Psiholog v shkole* [Outcast children. Psychologist at school]. Moscow, Genezis Publ., 2005. 100 p.
10. Lane D. A. [School bullying]. In: *Detskaya i podrostkovaya psihoterapiya* [Child and adolescent psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 240–274.
11. Luchinkina I. S., Fazilova A. E. [Psychological features of a person with different role-playing police in the bullying structure]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2021, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com> (accessed: 20.10.2024).
12. Mukhina B. C. *Vozrastnaya psihologiya. Fenomenologiya razvitiya* [Age psychology. Phenomenology of development]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 186 p.
13. Nazarov V. L., Averbuk N. V., Buinacheva A. V. [Bullying and cyberbullying in a modern school]. In: *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2022, no. 2, pp. 169–204.
14. KhloMOV K. D., Bocharov A. A. [Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 3, pp. 177–191.
15. Chekina L. F., Obolenskaya Yu. N. [Predictors of school bullying]. In: *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika* [Education Management Review], 2021, no. 3 (43), pp. 255–265.
16. Elkonin D. B. *Izbrannye psihologicheskie trudy. Problemy vozrastnoj pedagogicheskoy psihologii* [Selected psychological works. Problems of age-related educational psychology]. Moscow, International Pedagogical Academy, 1995. 224 p.
17. Boatwright B., Mathis T., Smith-Rex S. Getting equipped to stop bullying: A kid's survival kit for understanding and coping with violence in schools. MN, Educational Media Corporation Publ., 2000. 87 p.
18. Nansel T. R., Overpeck M., Pilla R. S., Ruan J. W. Bullying behaviors among U.S. youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment. In: *Journal of the American Medical Association*, 2008, no. 6. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2435211> (accessed: 12.04.2023). DOI: 10.1177/070674370605100604.
19. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings. In: *Child Development*, 1977, no. 48 (4), pp. 978–987.
20. Pellegrini A. D., Bartini M. A longitudinal study of bullying, victimization, and peer affiliation during the transition from primary to middle school. In: *American Educational Research Journal*, 2000, vol. 37, no. 3, pp. 699–725. DOI: 10.1348/026151002166442.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лучинкина Ирина Сергеевна (Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: miss_luchinkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5111-4396

Фазилова Алие Эльдаровна (Симферополь) – аспирант кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5768-1951

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina S. Luchinkina (Simferopol) – Cand. Sci. (Psychological sciences), Assoc. Prof. of the Department of psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;

e-mail: miss_luchinkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5111-4396

Alie E. Fazilova (Simferopol) – Postgraduate student of Department of psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5768-1951